

А.А. Романов

Тверская государственная сельскохозяйственная академия, г. Тверь

A.A. Romanov

Tver State Agricultural Academy, Tver

**ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ВЕРБАЛЬНОЙ
АГРЕССИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ
LINGVOECOLOGICAL PREVENTION OF VERBAL AGGRESSION
IN PROFESSIONAL COMMUNICATION**

Ключевые слова: вербальная агрессия, профессиональная коммуникация, дискурс, поведение, эмоция

Keywords: verbal aggression, professional communication, discourse, behaviour, emotion

В статье рассматривается лингвоэкологическая профилактика агрессивной коммуникации, благодаря которой представляется возможным избежать духовной деформации коммуникативной личности, а также не превратить человека в «управляемый в извне объект», подвергнутый эмоциональному воздействию на его сознание.

This article deals with lingvoecological prevention of aggressive communication that it seems possible to avoid

spiritual deformation communicative personality and not turn the man into a "controlled out of object", which emotional impact is exposed to control on his consciousness.

Проблемы организации эффективной (согласованной) деятельности в сфере профессионального пространства (профессиональной интеракции, профессиональной коммуникации) в различных «жизненных сценариях» («сценариях жизнедеятельности», «формах жизни») индивидов приобретают в настоящее время особую актуальность в связи с негативными факторами влияния социальной среды, кризиса духовной сферы в общественных и производственных отношениях, кардинальными изменениями в экономической стратегии развития общества, обусловивших смену социальных норм и жизненных ценностей субъектов профессиональной деятельности, роста асоциальности и общего снижения уровня (в том числе и уровня речевой) культуры членов социума, которые (факторы) сопутствуют появлению кризисных и дискомфортных (стрессовых) ситуаций в структуре общественных отношений и которые неизбежно сказываются на состоянии и развитии системы производственных отношений в целом и профессиональной коммуникации в частности.

В этих условиях особую значимость в сфере межличностных отношений в условиях социально-производственного взаимодействия

приобретает анализ механизмов влияния эмотивных вербальных средств, в частности агрессивных актов вербальной дискурсии, порождающих коммуникативный «архив» или систему деструктивных проявлений - от речевых актов прямых и косвенных угроз до импульсивных инвективных действий (инвектив) в виде оскорбления, презрения, резких выступлений и выпадов против кого-либо, негативных оценок до злых шуток, сплетен, обзываний, враждебных фантазий, угроз, бранных выражений и даже деструктивных форм поведения, например, подстрекательства, подначивания, передразнивания, подтрунивания, обуславливающих в результате эмоционального воздействия возникновение ситуаций неструктурированной (дискомфортной, стрессовой) диалогической интеракции между ее участниками в рамках определенного территориального пространства в процессе реализации одним из участников конкретных задач в сфере профессиональной деятельности. Представленная совокупность эмоциональных актов вербальной агрессии в виде множества (класса) простых и сложных агрессивных речевых действий или аффективных вербальных практик обозначается общим термином *агрессивный вербальный дискурс* (также: дискурс вербальной агрессии), маркируемый в ситуации профессионального общения агрессивными (эмотивными, аффективными) дискурсивными практиками, например: *«То есть... все одно серая мышка-норушка... мышшь поганая... крыса помойная! ... сука тупая !!!... смахнет его хвостиком и раскокает вдребезги без понятия»* (М. Веллер). Также:

- Челюсть! В стакане! Я увидел! И машинально! — горячечно причитал архитектор.

- Пародонтоз! Стomatит! Возраст! Михаил Андреевич! - с точностью попал в унисон подчиненному Посохин, клацая и трясясь.

- *Да вы все что - сумасшедшие?* (М. Веллер). Или: *«Еще попов в рясах под куполами развесьте!* - негодуя пожелало правительство Москвы ... *А вы можете не выеживаться?»* (М. Веллер).

Под эмотивной дискурсивной практикой агрессивной направленности в профессиональной коммуникации понимается специфическая форма использования языка для производства речи, посредством которой осуществляется изменение концепта (модели) окружающей (в том числе и коммуникативной) действительности, приводящее к дискомфортной трансформации системы личностных смыслов участников общения. Сущность такой трансформации в профессиональной сфере общения состоит в изменении представлений находящегося под воздействием инвективных эмотивных выражений (ненормативных эмотивов, инвективных формул как агрессивных дискурсивных практик) говорящего субъекта (адресата, участника) о мире и себе самом, благодаря чему он не может, получив экспрессивный «заряд» агрессивного инвективного воздействия, приобретать новые конструктивные знания, применить приобретенные навыки и умения, вырабатывать продуктивные мнения, установки и формировать наиболее эффективные и удовлетворяющие его отношения к людям, вещам и

событиям ответные действия. В этом плане любую дискурсивную практику агрессивной направленности можно рассматривать как устойчивую традицию особых способов оперирования языком в целях осуществления семиотических трансформаций коммуникативной и психической реальностей (ср. термин В.Н. Волошинова «общественная психология»), выступающей в качестве денотата (референта) дискурса (-ов) субъектов межличностного взаимодействия в пространстве профессионального общения.

В условиях современной (как обыденной, так и профессиональной) коммуникации проблема проявления вербального агрессивного (эмоционального, аффективного) поведения, а также проблема использования регулятивных (в том числе и прагмалингвистических) средств управления вербальным агрессивным поведением и осуществления контроля за проявлением вербальной агрессивности говорящего субъекта все в большей степени привлекает внимание исследователей самых разных специальностей: лингвистов, психологов, психоаналитиков, социологов, физиологов, философов и криминологов (ср.: Балл, 2009; Пилецкий, 2008; Романов, 2005; 2008; 2010; Шаховский, 1998; Щербинина, 2006 и др.). Рост интереса к изучению эмоционального компонента в актах вербальной агрессии (эмоционального агрессивного воздействия) связан с множеством «белых пятен» в концептуальном поле данного феномена и с потребностями прикладных исследований, например, в биологии, генетике, психологии, психоанализе, психотерапии, педагогике, криминологии, социологии, когнитивистике, психолингвистике и лингвистике (см.: Зинченко, 2008; Калина, 1999; Пилецкий, 2008; Пиотровская, 1994; Снетков, 2000; Шаховский, 1998 и др.).

В этой связи особое значение приобретают проблемы анализа агрессивного вербального поведения в виде конкретных агрессивных (инвективных, например) дискурсивных проявлений или практик в сфере профессиональной коммуникации, в частности, в конкретных производственных ситуациях необходимости принятия одним из коммуникантов решения, харак-теризующегося определенными специфическими параметрами его профессиональной деятельности и находящегося под влиянием факторов использования ненормативных / некодифицированных эмотивных вербальных выражений (эмотивов, «эмотивных агрессоров»), каузирующих (влекущих за собой и таким образом формирующих в качестве причины) появление условий дискомфорта, ибо, как полагает Г.А. Балл (2009: 3), «непрерывно возрастающее давление на природную среду и колоссальные трудности на пути разработки и реализации оптимальных стратегий социального поведения ставит на повестку дня вопрос о *выживании* человечества. Важнее поэтому не расхождения между мировоззренческими направлениями в понимании мира и человека в мире, а возможности *взаимообогащающего диалога*, который призван углубить это понимание, в его разных вариантах, и благодаря этому *повысить его практическую значимость*. Необходима разработка - с опорой на достижения разных философских и научных школ - оптимальных

стратегий поведения людей и человеческих сообществ в современную эпоху».

Становится очевидным, что необходимость и значимость дальнейшего исследования вербальной агрессии как формы «эмоционального, аффектного» воздействия обуславливают потребность в разработке модели такого воздействия и поиска оптимальных стратегий поведения людей в условиях дискомфорта своей профессиональной деятельности, так как механизм функционирования таких стратегий определяется «ключевой ролью эмоций, которую они играют в мобилизации и поддержании решающих стратегий» (Бек, Фриман, 1998: 37) жизнедеятельности человека как социального субъекта. Больше того, особую значимость эта проблема приобретает в плане формирования условий эффективного взаимодействия интерактантов с целью выработки приемов и методов «управления эмоциональными механизмами, подкрепляющими поведение, направленное на выживание» в институционально-профессиональной среде и «установление связей через ожидание и переживание различных типов эмотивного воздействия» на непосредственных участников профессиональной коммуникации, так как «аффекты и агрессивность, не имеющие внешнего выхода и клапана для их регуляции, могут не только вызывать страдания, но и приводят к общей слабости побуждений вплоть до пассивности и аспонтанности» (Риман, 1999: 53-54).

Важность учета эмотивно-аффективного фактора воздействия на специфику профессиональной деятельности, например, высказанных оскорблений, ругательств, угроз, ненависти, ярости или, скажем, зависти, определяется тем, что названные факторы, во-первых, неизбежны в жизни любого человека вообще и в институционально-профессиональной деятельности, в частности, а во-вторых, они становятся «чрезвычайно опасными, когда накапливаются в неотрагированном виде и становятся основой для развития депрессии в будущем». Вызванные актами инвективной дискурсии «бессильная ярость, фрустрированная агрессивность, чувство ненависти и зависти», на которые участники профессиональной коммуникации вынуждены в процессе своей деятельности реагировать и каким-то образом «вынуждены подавлять», «делают» объектов инвективного агрессивного воздействия как участников интеракции «депрессивными, подавленными, т. е. похожими на детей, которые не могут проявить себя из-за своей зависимости и беспомощности» (Риман, 1999: 53-54).

В этой связи становится очевидной необходимость предпринять попытку с лингво-психологических позиций дать комплексный ответ на вопросы о том, как эмоционально-аффективные переживания, вызванные воздействием дискурсивных актов инвективной агрессии (дискурсов агрессивной направленности), вписываются в схему организации говорящей личности, каково их отношение к основным когнитивным структурам и стратегиям поведения участников профессиональной коммуникации, каков механизм выработки основных стратегий поведения в сфере социальной регламентации и гармонизации межличностных отношений, какова роль

эмотивного (эмоциогенного) вербального фактора - в нашем случае естественно-языко-вых практик «бранного и оскорбительного слова» - в результативности и эффективности профессиональной деятельности участников деловой коммуникации, как проявляется и как сказывается инвективный агрессивный заряд, направленный на «центр переживаний» (Г.Г. Шпет) говорящего субъекта, насколько в замкнутом территориально - профессиональном пространстве «нейтрально» наше слово и насколько оно «прямо и непосредственно отражает и затрагивает нашу душевную жизнь» (Шпет, 1996: 361), определяет логику и программу намеченных в рамках настоящей работы исследований.

Очевидно, что комплексный характер проводимого исследования предопределяет опору на базовый принцип описания «отношения как коллективные переживания к продуктам культуры, к смыслу культурных явлений, к созданным духовным ценностям», сформулированный отечественным ученым, этнопсихологом Г.Г. Шпетом (1996: 361): *«Все в одном, одно во всем»*, в котором, по словам В.П. Зинченко (2009: 9), «целостность описания явления – это одновременно идеал и цель, но также и путь, следуя которому только и можно получить заслуживающие внимания и доверия результаты», где «всякое новое понятие, относящееся к душевной жизни, отображает некоторую полноту. Например, слово, обозначающее какое-либо душевное явление: любовь, гнев и т.п., отображает или, по крайней мере, может отобразить его во всей полноте. И всякое новое понятие, относящееся к душевной жизни, отображает некоторую полноту. Но ведь всякое переживание у человека происходит из *одного* центра, центра переживаний, чувств, желаний, всякое *порождено* им. Безнадежность, любовь, страх, горе, внимание, образ, фантазия, рассудок – *до бесконечности, все едино в едином*. Не только всякое душевное переживание есть переживание *Я*, но и во всяком переживании последнее заключено целиком – возьмем самое «маленькое» раздражение человека: в нем весь человек. ... Каждый психологический процесс отображает в себе все другие». Эти давние размышления Г.Г. Шпета, подчеркивает В.П. Зинченко (2009: 9), приведены, чтобы *«показать необходимость и обязательность рассмотрения, например, чувств в контексте жизни, деятельности, сознания, личности человека*. Благодаря практической ориентации основным орудием, инструментом ... наконец (или вновь?) становится *слово*, которое прямо и непосредственно отражает нашу душевную жизнь. По выражению Г.Г. Шпета, *слово – это самый надежный, самый могучий отобразитель наших волнений, мыслей и хотений; не хроноскоп, не тахистоскоп, не мнемометр, не энцефалограф или томограф, а слово*». *В слове не только смысл и мысль, а в нем есть энергия образа и действия*. Слово не только сигнал, знак, символ, оно – *само действие и чувство... слово выходит за пределы языка, сливается с переживанием, мыслью и действием, актуализирует свой внеязыковой потенциал*». Перефразируя сказанное В.П. Зинченко, можно полагать, что именно на арене взаимодействия, интеракции

двух, как минимум, людей, восстанавливается дискурс о нормальных человеческих взаимоотношениях (Зинченко, 2009: 9; курсив – А.Р.).

Сходную мысль находим у В.Н. Волошинова по поводу «общественной психологии», которая «реально, материально дана как словесное взаимодействие». Она дана не где-то внутри (в «душах» общающихся индивидов), а *всецело во вне* – в слове, в жесте, в деле». В ней нет ничего не выраженного, внутреннего – все с наружи, все в обмене, все в материале и, прежде всего, в материале слова. Общественная психология – это прежде всего та стихия многообразных *речевых выступлений*, которая со всех сторон омывает все формы и виды устойчивого идеологического творчества: кулуарные разговоры, обмен мнений в театре, на концерте, в различных общественных собраниях, просто случайные беседы, манера словесного реагирования на жизненные и на житейские поступки, внутрисловесная манера осознавать себя, своё общественное положение и пр. и пр. Общественная психология дана по-преимуществу в разнообразных формах «высказывания», в формах маленьких речевых жанров, до сих пор совершенно не изученных. Эти речевые выступления сопряжены, конечно, с другими типами *знакового обнаружения* и взаимодействия – с мимикой, с жестикულიацией, с условными действиями и т.п. Эти формы речевого взаимодействия протекают в условиях, созданных социально-политическим строем и непосредственно производственными отношениями» (Волошинов, 2010: 488-490). «Слово – как бы «сценарий» того ближайшего общения, в процессе которого оно родилось, а это общение, в свою очередь, является моментом более широкого общения той социальной группы, к которой говорящий принадлежит. Чтобы понять этот сценарий, необходимо восстановить все те сложные социальные взаимоотношения, идеологическим преломлении которых является данное высказывание. ... Ни одно словесное высказывание вообще не может быть отнесено на счет одного только высказавшего его: оно продукт взаимодействия говорящих, и шире – продукт всей той сложной социальной ситуации, в которой высказывание возникло. ... То же, что характерно именно для данного высказывания: выбор определенных слов, определенная конструкция фразы, определенная интонировка высказывания – все это является выражением взаимоотношений между говорящими и всей той сложной социальной обстановки, при которой происходит беседа. Те же «душевные переживания» говорящего, выражение которых мы склонны усматривать в этом высказывании, на самом деле являются только односторонней, упрощенной и научно неверной интерпретацией более сложного социального явления. Это – особый род «проекции», с помощью которой мы вкладываем (проецируем) в «индивидуальную душу» сложную совокупность социальных взаимоотношений» (Волошинов, 1993: 78-79).

Если следовать предложенному направлению «проецирования в индивидуальную душу переживания говорящего субъекта» и с этих позиций подходить к описанию феномена агрессивной (деструктивной) коммуникации, то становится очевидным, что, несмотря на значительное

количество работ, посвященных исследованию феномена вербального агрессивного воздействия в условиях обыденной и профессиональной коммуникации, приходится констатировать: хотя «изучение феномена человеческой агрессивности в целом имеет давнюю историю» и опирается на «многообразие и вариативность спектра постулатов, мнений и позиций религиозно-мифологического, биологизаторского и социологизаторского подходов» (Пилецкий, 2008: 51), тем не менее проблема словесной (вербальной) агрессии именно в профессиональной сфере коммуникативного взаимодействия в пределах «не только одной части этого поведения – словесных реакций человека» (Волошинов, 1993: 80) остается практически не изученной в отечественном и зарубежном языко-знании (ср.: Жельвис, 1990; Романов, 2006; Щербинина, 2006 и др.). В то же время в реальной жизни такая форма проявления вербальной агрессии не является редким исключением. Она не только препятствует реализации основных задач эффективного речевого общения в условиях профессио-нальной деятельности, но и ведет к возникновению существенных профессиональных и социопсихологических травм, проявлению негативных событий в жизни в виде различных расстройств личности, связанных с постоянным характером этих событий и реакции коммуникантов на них.

В этой связи уместно привести данные А. Бека и А. Фримана (1998: 17-18), которые отмечают, что эмотивное (аффективное) деструктивное (стрессовое) воздействие является одной из первопричин расстройства личности у 28,6 % пациентов, испытавших даже «слабый стресс», а «число пациентов, переживших сильный стресс, пытались покончить с собой в четыре раза чаще, чем испытавшие слабый стресс». Исследователи также подчеркивают, что «если в чьей-либо жизни слишком часто происходят подобные негативные события, то они с определенной вероятностью приводят к проявлению у них пессимистического отношения к себе, миру и будущему, к усилению когнитивной дисфункции от расстройства личности до тревоги и далее до депрессии», что «сказывается на постепенном ухудшении способности осуществлять проверку своих результатов реальностью. Напротив, люди, которые успешно избегают жизненных стрессоров, могут жить в относительно безопасном личном мире и иметь очень низкие показатели клинически очевидных расстройств личности» (Бек, Фриман, 1998: 17-18).

Анализ отечественных и зарубежных работ в лингвистике, психологии, социологии, коммуникатологии, посвященных исследуемой проблематике, со всей очевидностью показывает, что повышенная агрессивность в различных формах проявления - от физической до вербальной - является одной из наиболее острых проблем не только для участников социальной и профессиональной коммуникации, но и для общества в целом. Поэтому в работах зарубежных и отечественных исследователей подчеркивается острая необходимость выявления связей между эффективностью реализации самой профессиональной деятельности и безопасными условиями, в которых осуществляется такая деятельность, а также описанию приемов создания

благоприятной («творческой») психоэмоциональной атмосферы общения (ср.: Романов и др., 2005; 2006).

Немаловажная роль при этом отводится выявлению специфики условий успешности результативного (эффективного) коммуникативного обмена между участниками профессиональной деятельности и системой вербальных средств, оказывающих влияние на организацию профессионального общения коммуникантов и способы трансляции и адекватной интерпретации предоставляемой информации, фиксации особенностей вербального поведения интраквантов в профессиональной коммуникации и возникновению возможных или потенциальных коммуникативных помех - коммуникативных сбоев, коммуникативных рассогласований, коммуникативных провалов, коммуникативных конфликтов. Ср.:

- Вот только Нахимова на той сцене и не хватало, - произнес начальник под впечатлением.

- Конец света. Давай застрелимся? - предложил зам.

- Тебе хорошо, *ты дурак*... Тебя жена еще из дому не выгнала, что зарплаты полгода не приносил? (М. Веллер).

Или: Часа через четыре диспетчер ближнего аэропорта слышит доклад пилота с заходящего лайнера:

- Да, кстати, парни, вы в курсе, что у вас тут в посадочном эшелоне *какой-то мудак летает* на садовом стуле?

- Вы не хотите передать управление второму пилоту?

- Зачем? — изумляется командир. - Вас не понял.

- Борт 1419, повторите доклад диспетчеру!

- Я сказал, что у вас в посадочном эшелоне *мудак летает* на садовом стуле. Мне не мешает (М. Веллер). Также:

- Из-за *тебя, идиота*, по этому делу де Голль говорил с Громыкой, *ты* понял, *блоха ты вонючая*?!

Что - не знал?! - обязан знать! *Ты совсем дурак или кто?* (М. Веллер).

И хотя возросший в последние годы научный интерес к проблемам вербальной агрессивности очевиден, как и очевидно появление значительного количества исследований и монографий, анализирующих обсуждаемый феномен, тем не менее, ключевые вопросы, связанные с природой и истоками агрессивности, спецификой коммуникативного взаимодействия участников социальной интеракции в атмосфере эмотивного агрессивного дискомфорта и условиями, способами и методами его профилактики остаются открытыми и нуждаются в дополнительном исследовании. Здесь же в первую очередь следует обратить внимание на тот факт, что представители разных школ и направлений предлагают различные подходы к определению природы феномена вербальной агрессии, сущности причин и следствий агрессивного вербального поведения, а также возникновению его психологических, социальных и коммуникативных механизмов.

Однако при всем многообразии трактовок этого феномена только лишь понятие агрессивности в общих чертах обладает гиперонимическим

(«сквозным») признаком целенаправленного нанесения физического или психического ущерба другому лицу, что, безусловно, суживает само понятие «вербальной агрессии», а также ограничивает исследование проблемы аффективного вербального воздействия (речевой агрессии) и не объясняет возникновение целого ряда факторов, обуславливающих непродуктивное поведения участников профессиональной деятельности в целом и профессиональной коммуникации в частности. Кроме того, неразработанность функционально-семантических критериев понятия вербальной агрессии не позволяет в полной мере предлагать систему тактик и стратегий по экологической профилактике агрессивной коммуникации. Проблема усугубляется еще и тем, что, по утверждению специалистов в области нейромаркетинга (см.: Traindl, 2007), процесс восприятия (в нашем случае - агрессивного заряда) начинается на подсознательном уровне и не осмысливается человеком, пока не преобразуется в конкретную картину в сознании. Отсюда отбор и оценка (ср. с термином «психологическая проекция» у В.Н. Волошинова) входящих раздражителей (визуальных, вербальных, тактильных) происходит в лимбической системе, где «живут» наши эмоции. Это означает, что человек сознательно воспринимает только то, что вызывает у него (положительные или отрицательные) эмоции, связанные с удовольствием или, наоборот, со страданием. И, как результат - система эмоциональной оценки, которая решает, воспринимает ли человек что-либо как нечто положительное или отрицательное, базируется на мотивационной структуре человеческой психики, определена генетически - это родовое наследие человека в виде жизненно важных потребностей и функций, которые стали движущей силой его жизни в социуме.

А если учесть, что речевая агрессия связана с эмоциональным (аффективным) поведением человека и представляет в настоящее время одну из наиболее актуальных и насущных в гуманитаристике институционально-производственных и психолого-педагогических проблем современного общества, то в важности разработки проблем эколингвистики, в том числе и профилактики вербальной агрессии, сомнения отпадают (Шаховский, 2012). Более того, вполне возможно предположить в недалеком будущем формирование на стыке лингвистики, нейрофизиологии, биологии, медицины новой парадигмы комплексного исследования вербального и невербального поведения человека (о таких попытках см.: Малышева, Романов, 2012), о чем пророчески писал более 85 лет назад В.Н. Волошинов, и о чем пишут сегодня, например, специалисты по нейромаркетингу (см.: Traindl, 2007), не говоря уже о возможном появлении направления генной лингвистики, если экспериментально подтвердится гипотеза о наследственном характере языковой способности.

Таким образом, лингвоэкологическая профилактика агрессивной коммуникации необходима, прежде всего, для того, чтобы избежать духовной деформации коммуникативной личности, лишения её всех необходимых - активных и творческих - способностей и не превратить человека в «управляемый в извне объект», подвергнутый эмоциональному

(стрессовому, аффективному) воздействию на его сознание с «подсказыванием» (программированием или «психопрограммированием») определенных форм – вербального и авербального – поведения.

Список литературы

1. Балл Г.А. Психологические принципы современного гуманизма // Вопросы психологии. – 2009, № 6. – С. 3-12.
2. Бек А., Фриман А. Когнитивная психотерапия расстройств личности. – М.: «Пресс АСТ», 1998. – 343 с.
3. Волошинов В.Н. Фрейдизм. Критический очерк. – М.-Л.: ГИЗ, 1927 / Перепечатано и цитируется по: Волошинов В.Н. (М.М. Бахтин). Фрейдизм. Комментарии В. Махлина. – М.: «Лабиринт», 1993. – 120 с.
4. Волошинов В.Н. Отчет о работе в ИЛяЗВе аспиранта В.Н. Волошинова за 1927-1928 гг. // Valentin Nikolaevič Vološinov. Marxisme et Philosophie du Langage / Éditorial bilingue traduite du russe par Patrick Sériot et Inna Tulkowski-Ageeva. – Limoges: Lambert-Lucas, 2010. – P. 478-517.
5. Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия. Учеб. пособие. – Ярославль: ЯрГУ, 1990. – 81 с.
6. Зинченко В.П. Общество на пути к «человеку психологическому» // Вопросы психологии. – 2008, № 3. – С. 3-10.
7. Калина Н.Ф. Лингвистическая психотерапия. – Киев: Ваклер, 1999. – 282 с.
8. Малышева Е.В., Романов А.А. Тактильная коммуникация в диалоге (вербально-кинестетический аспект). – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012. - 170 с.
9. Пилецкий С.Г. Феномен человеческой агрессивности // Вопросы философии. – 2008, № 10. – С. 50 – 65.
10. Пиотровская Л.А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования (на материале русского и чешского языков). – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1994. – 148 с.
11. Рима́н Ф. Основные формы страха. Исследование в области глубинной психологии. Пер. с нем. Э.Л. Глушанского. – М.: Алетейа, 1999. – 336 с.
12. Романов А.А. Дискурс-анализ как метод междисциплинарного описания феномена справедливости в социальной коммуникации // Проблемы Тверской науки и образования. – Тверь: Агросфера, 2008. – С. 206 – 209.
13. Романов А.А. Лингвозекологический подход к профилактике вербальной агрессии в профессиональной среде // Психология управления в современной России: Теория, эмпирические исследования, практика. Материалы Международной научно-практической конференции. – Тверь: Ин-т психологии РАН, ТвГУ, 2010. – С. 78-85.

14. Романов А.А., Немец Н.Г., Романова Л.А. Психотерапевтическая дискурсия и психоанализ // Краеведческая психология. Вып. 5. – Тверь: ТвГУ, 2005. – С. 268 – 278.

15. Романов А.А., Немец Н.Г., Романова Л.А. Когнитивная основа психотерапевтической коммуникации: Синергетический подход // Актуальные проблемы психологии труда. Т.3. – Тверь: ТвГУ, 2006. – С. 57 - 63. Снетков В.М. Психология коммуникации в организациях. – СПб.: Изд-во С. – Петерб. ун-та, 2000. – 112 с.

16. Шаховский В.И. Эмоции в деловом общении: Учеб. пособие. – Волгоград: Перемена, 1998. – 42 с.

17. Шаховский В.И. Эмотивная лингвоэкология русского мата [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал «Мир лингвистики и коммуникации». – Тверь: ТГСХА, ТИПЛиМК, 2011. - № 2 (23). - ISSN 1999 – 8406; Гос. рег. № 0421100038. - Идентификационный номер 0421100038\009. - Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru> (0,75 п.л.).

18. Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию // Г.Г. Шпет. Психология социального бытия. – М.: Ин-т прикладной психологии; Воронеж: МОДЭК, 1996. – С. 261-372.

19. Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. – М.: КомКнига, 2006. - 360 с.

20. Traindl A. Neuromarketing. Die innovative Visualisierung von Emotionen. - Amstetten; Wien: Trauner Verlag, 2007. – 115 S.

References

1. Ball G.A. Psychological principles of modern humanism // Questions of psychology. – 2009, № 6. – p. 3-12.
2. Beck A., Freeman A. Cognitive therapy of personality disorders. – М.: "Press AST", 1998. – 343 p.
3. Voloshinov V.N. Freudianism. Critical Essay. – Leningrad: GIZ, 1927 / reprinted and quoted from Voloshinov V.N. (M.M. Bakhtin). Freudianism. Comments by Makhlin. – М.: "The Labyrinth", 1993. – 120 p.
4. Voloshinov V.N. Report on the work in IlyaZV of graduate student V.N. Voloshinova for the 1927-1928. // Valentin Nikolaevic Volosinov. Marxism and Philosophy of Language / bilingual Editorial translated from Russian by Patrick and Inna Seriot Tulkowski-Ageeva. – Limoges: Lambert-Lucas, 2010. – p. 478-517.
5. Zhelvis V.I. Emotive aspect of speech. Psycholinguistic interpretation of speech influence. Textbook. – Yaroslavl: Yaroslavl State University, 1990. – 81 p.
6. Zinchenko V.P. Society on the way to the "psychological man" // Questions of psychology. – 2008, № 3. – p. 3-10.
7. Kalina N.F. Linguistic psychotherapy. – Kiev: Vakler, 1999. – 282 p.
8. Malysheva E., Romanov A. Tactile communication in the dialogue (verbal and kinesthetic aspect). – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012. – 170 p.
9. Pilecki S.G. The phenomenon of human aggression // Questions of Philosophy. – 2008, № 10. – p. 50-65.

10. Piotrovskaya L.A. Emotive statements as an object of linguistic research (based on Russian and Czech languages). – St. Petersburg. St. Petersburg University Press, 1994. – 148 p.
11. Riemann F. Basic forms of fear. Research in the field of depth psychology. Transl from German by E.L. Glushansky. – M.: Aletheia, 1999. – 336 p.
12. Romanov A.A. Discourse analysis as a method to describe the phenomenon of interdisciplinary justice in social communication // Problems of Tver science and education. – Tver: Agrosfera 2008. – p. 206-209.
13. Romanov A.A. Linguistic and ecological approach to the prevention of verbal aggression in a professional environment // Psychology of management in modern Russia: Theory, empirical research, practice. International scientific and practical conference. – Tver: Institute of Psychology RAS, TSU, 2010. – p. 78-85.
14. Romanov A.A., Nemec N.G., Romanova L.A. Psychotherapeutic discourse and psychoanalysis // Local Studies Psychology. Issue 5. – Tver: Tver State University, 2005. – p. 268-278.
15. Romanov A.A., Nemec N.G., Romanova L.A. Cognitive basis of psychotherapeutic communications: Synergetic Approach // Actual problems of the psychology of work. V.3. – Tver: Tver State University, 2006. – p. 57-63. Snetkov V.M. Psychology of communication in organizations. – St. Petersburg. – St. Petersburg University Press, 2000. – 112 p.
16. Shahovsky V.I. Emotions in business communication: Textbook. – Volgograd: Classroom, 1998. – 42 p.
17. Shahovsky V.I. Emotive Linguistic Ecology Russian abuse [electronic resource] // Electronic scientific journal "World of linguistics and communication." – Tver: TSSA, TIPLiMK 2011. – № 2 (23). – ISSN 1999 – 8406, Gos. reg. Number 0421100038. – Identification number 0421100038 \ 009. – Mode of access: <http://www.tverlingua.ru> (0,75 pp).
18. Shpet G.G. Introduction to Ethnic Psychology // G.G. Spet. Psychology of social existence. – M.: Institute of Applied Psychology; Voronezh MODEK, 1996. – p. 261-372.
19. Shcherbinina Y.V. Verbal aggression. – M.: KomKniga 2006. – 360 p.
20. Traindl A. Neuromarketing. The innovative visualization of emotions. – Amstetten, Vienna: Trauner Verlag, 2007. – 115 p.

(0,6 п.л.)